

Леонид Виноградов

Январь 1989 года. Перестройка в разгаре. Отношение к многочисленным публикациям о недавней российской истории неоднозначное. Настораживают фальшивые рассуждения о «возвращении к ленинским нормам», и, как следствие, замолчанный в газетах и журналах 70-летний юбилей человека, двумя десятилетиями раньше открывшему всему миру глаза на звериную сущность этих норм — Александра Исаевича Солженицына. Главный редактор «Нового мира» тщетно добивается разрешения на публикацию «Архипелага ГУЛАГ». (Пройдет еще несколько месяцев, и Залыгин добьется своего, но тогда это казалось невозможным.)

В Доме культуры недалеко от метро «Тушинская» показывают документальный фильм Марины Голдовской «Власть соловецкая», премьера которого с успехом прошла в Доме кино в начале декабря 1988 года, но на широкий экран выпускать его не спешили. С первых кадров фильма становится ясно, почему. Первые узники Соловков — отнюдь не ленинская гвардия, а представители дворянства, духовенства. Герои фильма, немногие оставшиеся в живых узники Соловков, делятся своими воспоминаниями. При

гие прокоммунистические авторы. Говорить же об этом вслух было еще опасно. Надо отдать должное мужеству Олега Васильевича. Очевидно, что в отличие от Солженицына, бывшего в юности и молодости верным ленинцем, Волков никогда не питал иллюзий относительно советской власти. Тем и ценны были его слова. Солженицын, родившийся в 1918 году, не мог помнить ни Гражданской войны, ни красного террора. Его обвинения хотя и аргументированы, но все же это обвинения историка. Обвинения Олега Васильевича Волкова — обвинения очевидца. Из 1989 года вожда мирового пролетариата обвинял чудом уцелевший очевидец трагических событий русской истории. Представитель класса, либо оказавшегося в эмиграции, либо полностью уничтоженного. Среди многочисленных письменных вопросов зрителей был и вопрос происхождения. Олег Васильевич ответил скромно, приведя цитату из своего дела, которое однажды ему пришлось читать: сын помещика.

Мне не терпелось поделиться впечатлениями с друзьями и знакомыми. И чуть более чем через месяц представилась возможность вновь посмотреть фильм и послушать Олега Васильевича в Доме медики. Впечатление было таким же ярким. Вскоре Олег Васильевич стал частым гостем газет, журналов, а после публикации в августе «Архипелага

— А теперь мы вас сгноим в лагерях!

— Ни хрена вы со мной не делаете! — дерзко бросил я ему, уходя между двумя стражами.

Но — Боже мой! Сколько раз пришлось мне впоследствии вспоминать эту угрозу! Ведь и вправду — едва не сгноили...

Прежде всего «Погружение во тьму» — книга о сохранении человеческого достоинства в нечеловеческих условиях, о победе человеческого духа над силами зла. Убежден, что она необходима сегодняшней молодежи.

Человек глубоко русский, влюбленный в Россию, Олег Васильевич с большим тактом отнесся к представителям других народов. Общась с католическим ксендзом паном Феликсом, азербайджанскими мусаватами, он стремится не касаться болезненных тем.

Есть в книге моменты, поражающие воображение. Упомянутый в «Архипелаге» расстрелянный на Соловках офицер Георгий Михайлович Осоргин — близкий друг Олега Васильевича. Вновь понимаешь разницу. Солженицын — великий наш соотечественник, но все же воспитанник советской России. Ему пришлось пройти через круги ада, чтобы прозреть и обрести внутреннюю свободу. Олег Васильевич Волков — воспитанник России дореволюционной. Внутренняя свобода была свойственна ему с детства. Естественно, в конце XX века он, чудом уцелевший в боль-

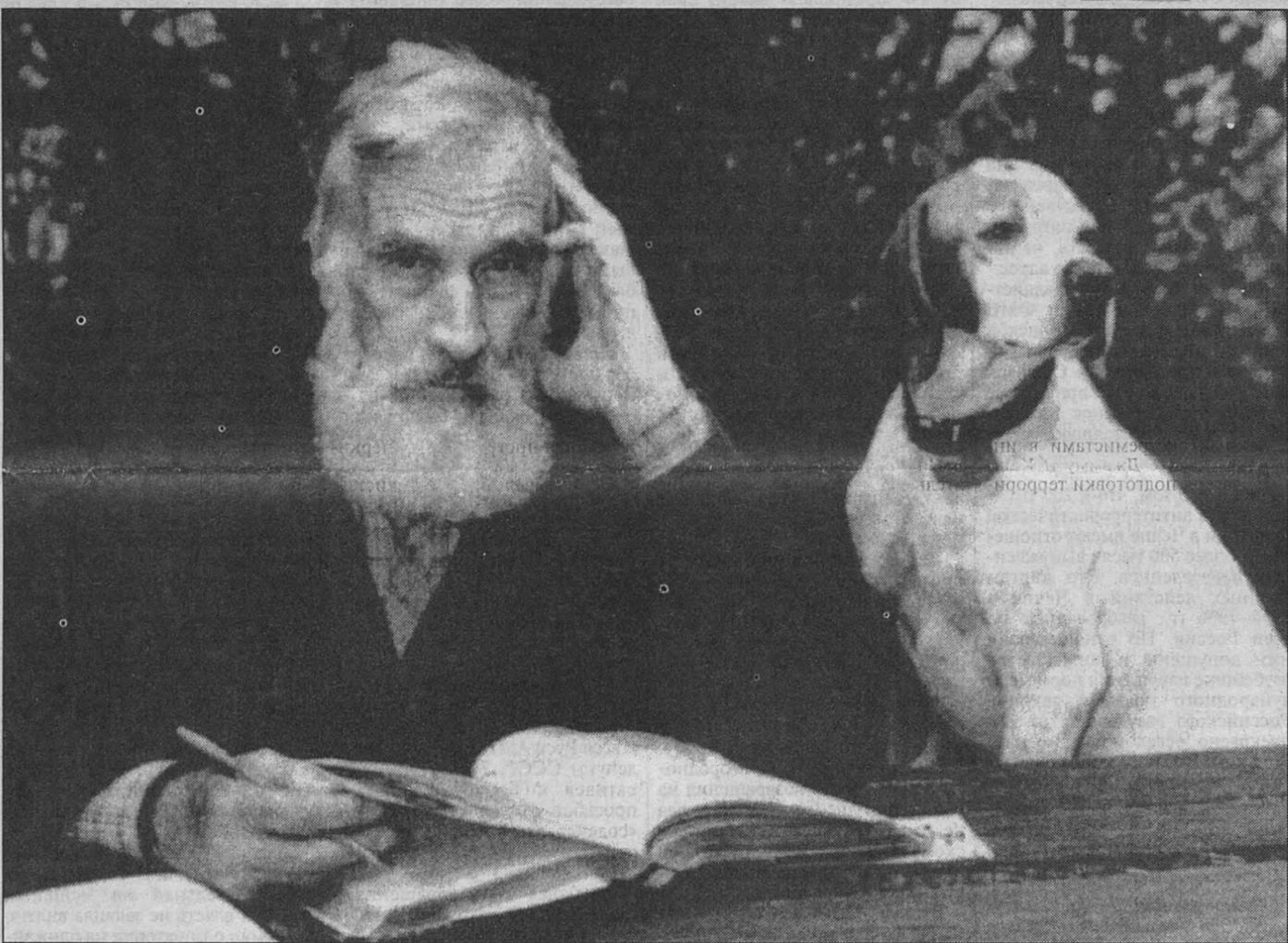
ставшую моей женой и матерью нашей Ольги, старинный друг семьи Волковых еще по дореволюционному прошлому — умудренная годами Татьяна Ивановна Татаринова (Царство ей Небесное!) сказала о дошедшей на мою долю «улыбке судьбы». Мне же видится в этой поздней встрече гораздо больше, чем улыбка, пусть и самая светлая! В ней для меня — проявление Благой Силы, воли Промысла, не раз спасавшей и хранившей меня в опасной и давшей на склоне лет познать в полной мере радость и вдохновляющую силу полного взаимопонимания и единения с любимым человеком — верным и преданным. То, о чем я писал, сделалось Маргарите Сергеевне столь же дорого, как и мне. Над этими строками кровоточило ее сердце».

Невозможно пересказывать всю книгу. Трудно рассчитывать, что в обозримом будущем она будет переиздана, но наверняка ее можно достать в библиотеках.

Как я уже писал, в 1989—1990 годах. Олег Васильевич Волков стал частым гостем газет, журналов и телевидения. Он был верен себе. Больше всего беспокоила его потеря нравственности. Переживал он и национальные распри. Как актуально и сегодня звучат его слова: «Мне с детства внушали, что люди делятся не по национальному признаку, а по принципу моральных достоинств... Остается только поражаться, что после 70 лет

ОСКОЛОК СТАРОЙ РОССИИ

К 100-летию со дня рождения Олега Васильевича Волкова

Олег Волков с собакой Рексом. 1986 год.
Фото Виктора Ускова

первом появлении на экране бегущая строка представляет: фамилия, имя, отчество, год рождения, срок отсидки. Всем героям за 80, но вот в кадре появляется красивый седобородый мужчина, которого язык не повернется назвать стариком. Живых дворян мне видеть не приходилось, но почему-то сразу понял: на экране — дворянин. Появляется традиционная бегущая строка, и я на мгновение прихожу в состояние шока: «Волков Олег Васильевич, 1900 года рождения, 27 лет тюрьмы, лагерей и ссылки» (выделено мной). Мне в ту пору не было еще и 25 лет, и я видел человека, который отсидел больше, чем я прожил, и за год до своего 90-летия сохранявший и ясность ума, и осанку. Невероятно!

Пересказывать фильм 10 лет спустя — занятие рискованное. Считаю, что и сегодня молодой молодежи он был бы интересен и полезен. Еще в афише было объявлено, что после фильма состоится встреча с писателем Олегом Волковым. Теперь я вижу поразившего меня человека не на экране, а на сцене. В фильме он сидел, теперь видно, что он очень высокого роста. Сразу же Олег Васильевич затрагивает самую болезненную для всех мыслящих россиян тему. Репрессии начались задолго до Сталина. Сомневающиеся могут внимательно прочитать произведение Ленина того времени и найдут немало писем, в которых он требует усилить террор. «Он несет полную ответственность как руководитель и организатор репрессий». Сегодня эта истина мало у кого вызывает сомнения, но тогда в огромном зале раздалась до вольно жидкие аплодисменты. Далеко не все читали в самиздате и тамиздате «Архипелаг», властителями дум в то время были Шатров, Рыбаков и дру-

ГУЛАГ» и телевидения. Казалось, Господь сохранил его нам в укор, чтобы мы поняли, какую Россию потеряли.

Примерно через год мне посчастливилось приобрести автобиографическую книгу Волкова «Погружение во тьму». Сколько же может уместиться в одну жизнь? Счастливое детство, блестящее воспитание и образование, учеба в Тенишевском училище (в одном классе с Набоковым) и... революция, перечеркнувшая блестящее будущее. Мечты об университете пришлось оставить. Но блестящее знание языков позволило устроиться переводчиком в греческое посольство. В первой главе описывается арест в феврале 1928 года: «Это произошло около полудня. А глубокой ночью меня, после бесконечной процедуры опроса, обыска, отбора вещей, завели в камеру внутренней тюрьмы».

Более полусуток провел я в кабинете следователя. Если и до этого искусства у меня не было иллюзий — еще в самом начале, еще в семнадцатом году, мне, юноше, стало очевидно, что отныне беззаконие займет место закона, лишь для видимости порой рядясь в его одежды, — то диалог с подручными Дзержинского, «рыцаря революции», убедил окончательно: правосудием тут и не пахнет». Молодого переводчика настойчиво вербовали в сексоты.

«Убедившись, наконец, что своего им не добиться, очередной следователь вдруг сделался формален и деловит. Достал из ящика заготовленный ордер на мой арест, демонстративно подписал и, молча показав мне его, вызвал конвоиров. Двум тогдашним конвоирам свежим, подтянутым и таким сытым парням в форме, лучившимся готовностью выполнить любое приказание, он кивком указал на меня, процедив в виде напутствия:

шевистской мясорубке и доживший до наших дней, воспринимался не как представитель старой России, а как ее осколок.

Судя по всему, родители Олега Васильевича были, как и большинство петербургской интеллигенции, православными по инерции. О своей вере он пишет очень осторожно. Был период, когда, придя в отчаяние от видимого торжества зла, совсем разуверился, впоследствии вновь обрел веру. Рассказывая о своей судьбе, никогда не пишет «Бог», а только «Провидение». Зато с огромной любовью описывает подлинных мучеников за веру. «— Думаю, настало время, — говорил отец Михаил, — когда Русской Православной Церкви нужны исповедники. Через них она очистится и прославится. В этом промысел Божий. Ниспосланное испытание укрепит веру. Слабые и малодушные упадут. Зато те, кто останется, будут ее опорой, какой были мученики первых веков. Ведь и сейчас они для нас — надежная вежа... Вот и вы — петербургский малвер — поприступайте на здешних богослужениях и сердцем примете веру. Она тут в самом воздухе. А с ней так легко и не страшно... даже в библейской печи огненной».

Автору суждено было выжить, вернуться в Москву и встретить свою судьбу. Вскользь упоминается о женьтибе и рождении двоих детей до ареста, но, вероятно, почти тридцатилетняя разлука не позволила сохранить семью.

«Случилось так, что молодая женщина сумела внушить десятилетнему, порядочно во всем изверившемуся человеку веру в его возможности, создала условия, позволившие забыть о возрасте и с молодой энергией окунуться в работу. Увидев Маргариту Сергеевну,

разглаговствований о братстве народов, пролетарской солидарности и интернационализме мы пришли к массовым проявлениям утробного, просто зоологического национализма».

В 1991 году рухнула советская власть, а уже в 1992-м стало ясно, что возрождать Россию молодые реформаторы не собираются. Проще и выгоднее оказалось разбудить в людях самые низменные инстинкты. Немудрено, что в новую эпоху СМИ потеряли интерес к личности Олега Васильевича Волкова. Вряд ли он нашел бы добрые слова для творящегося в стране. Можно только догадываться о его переживаниях.

В 1993 году в одной из газет появилась статья «Чего не смог ГУЛАГ, сделал Мострест». Недалеко от дома, в котором жил Олег Васильевич, проводились подземные работы и не были поставлены необходимые в таких случаях ограждения. Выгуливая в вечернее время собаку, 93-летний писатель провалился в двухметровую яму. Он выжил и на этот раз, но открытый перелом ноги в его возрасте оказался роковым. Последние два с половиной года писатель не выходил из дома. Никто, кроме друзей, о нем не вспоминал, и только в феврале 1996 года телевидение и газеты скупо сообщили о кончине Олега Васильевича на 97-м году жизни. Лучше всех, на мой взгляд, отозвался Андрей Битов, которого, кстати, Олег Васильевич любил наряду с Василием Беловым больше всех современных писателей: «Смерть его, несмотр, потрясает. Пала крепость, которая защищала нас. Теперь придется самим».

21 января 2000 года Олегу Васильевичу Волкову исполнилось бы 100 лет.